

Дин-Дон (Волгоградская область, 2019)

С.Е. Фейгин

Наборщик – Е.Б. Фейгин, корректор – Т.Е. Фейгина

Дон-дон-дон-дин – дребезжит чайная ложка в чьём-то стакане. Тук-тук-н-тук-тук-н – стучат колёса поезда дальнего следования. Утро. Свет по капле заливается в вагон через толстое окно.

Итак, начнём по порядку:

-до тёплого и уютного дома в Москве – около 900 км

-до Полины Андреевны – около 4,5 м

-до выхода на станции Арчеда – 5 минут

-до возвращения в тёплый уютный дом – много

День первый (первое мая)

Покинув поезд, пёстрая процессия из пятнадцати человек в бодром темпе пересекает серую, наводящую уныние и контрастирующую с ещё весёлыми лицами платформу. Взоры шествующих устремлены вперёд, в будущее, к четырём выдавшим виды машинам, около которых стоят четыре ещё более выдавших виды водителя. Что гонит путников вперёд? Может быть, это кладоискатели? А может, паломники? О нет, если б ты знал, какая страсть ими руководит, ты бы не стоял у них на пути, ибо это страсть к травмам...

А между тем тряска нарастает, и игриво толкающий меня рюкзак то и дело закрывает окно, за которым подпрыгивают деревенские домики, стыдливо залепленные сайдингом. По музыку «Пьяная вишня», слегка вильнув капотом, мы тормозим за мостом. Ходят слухи, что с Полиной Андреевной опять что-то случилось; кажется, водитель, увидев её, забыл где-то ключи от машины. Бедный парень.

Слышу голос: «Стёпа, что это такое?» – спрашивает Саша. «Судя по тону, что-то интересное» – успеваю подумать я, прежде, чем вижу в мелком водоёме около моста... М.И.Н.О.Г.У. Она нагло и бесстрастно лежит на дне, будто не она нарисована в учебнике Квашенко. Все уже сбежались, и охота началась. То и дело раздаются восторженные возгласы и плотоядные выкрики.

А между тем, Полина Андреевна со своим незадачливым таксистом уже прибыла на место событий. Бросив на миног не слишком восхищённый взгляд (и, вероятно, подумав: «Какая гадость») она подаёт знак о продолжении пути.

Впрочем, ехать осталось недолго. Выгрузившись на окраине деревни Падок (вот ведь не повезло с именем), мы двинулись сначала по дороге, редко покрытой выбоинами и рытвинами, а затем перешли к покорению желтоватых холмиков, поросших растительностью с претензией на степной вид.

В то время как группа разведчиков отправилась на поиски места для лагеря, мы, то есть группа школьников, невыгодно выделяющаяся на фоне пейзажа своей наивной

бодростью, наслаждались ехидным пением местных лягушек, несущимся снизу от реки. Наконец разведчики вернулись. Местом, где мы собирались обосноваться, оказалась милая лысина небольшого леса около речки Арчеды.

Восторженные возгласы и плотоядные выкрики – охота на миногу началась

Позвольте мне избавить вас от описания того, как я участвовал в постановке палатки. Вполне достаточно будет сказать, что она была поставлена.

В оставшееся от уходящего дня время мы совершили экскурсионный набег на окрестности под предводительством Людмилы Андреевны. Здесь есть что посмотреть и послушать: за этот небольшой временной промежуток мы успели найти дерево, погрызенное бобрами, несколько необычных растений, двух дохлых змей, которых я захватил с собой в лагерь, заросли можжевельника, поросшего фантастическими грибами цвета и консистенции размоченной кураги, бабочек раскраски «вырви глаз», тут же пойманных Егором Жирковым (далее просто Егор, потому что, как ни странно, там он был один), и много других мелочей. А ещё нам довелось услышать, как гавкают... косули. Это несколько напрягает; задумываешься, как заговоришь сам после дня-другого жизни в этой местности.

Мы вернулись в лагерь, вокруг которого уже сгустились сумерки, поднявшиеся откуда-то с реки. Поэтому мы поспешили сгуститься вокруг костра и приступить к ужину.

А после вездесущей гитары нас ждал сюрприз: Петрович, вынув из темноты книжку под названием «Лис Улисс», начал её читать вслух на профессиональном уровне ораторского искусства. Кстати, первая глава называется «Ночь несчастных» – похоже, они пытаются нас запугать.

Но вот близко отбой. Слышно лишь шуршание, свидетельствующее о приготовлении ко сну. Разрываю тишину звуком открывающегося тента и палатки. Падаю на свой спальник

и... погружаюсь в неповторимый аромат этилацетата, густо разлившийся по палатке. Видно, так уж повелось у энтомологов, чтобы морить бабочек «вырви глаз» в растворчиках «отсохни нос»...

День второй (второе мая)

Утром в это время года здесь прохладно. Наверное, поэтому все быстро собираются у костра для получения порции тёплой каши. В воздухе растворена апатия только что проснувшихся людей, машинально поедающих завтрак. Лица ничего не выражают, они окутаны сонной дымкой, которая, перемешиваясь с дымом костра, превращается в густой туман, плывущий вверх к пикам сосен.

Собравшись за пятнадцать минут, мы покинули лагерь. Нашей целью оказались Арчединско-Донские пески, местная природная достопримечательность.

Местная природная достопримечательность – песчаные неровности

Лес довольно быстро перешёл в степь, минуя можжевелевую стадию, и весь пейзаж вокруг составляли серовато-жёлтые песчаные неровности, сквозь которые то тут, то там пробивались невразумительные сизые кустики. А солнце медленно поднималось по дуге, бросая на нас тёплые взгляды, в которых чувствовалось приближение чего-то ещё более жаркого.

– Если я сяду, то больше не встану, – с наивным реализмом ответила Арина К. на предложение присесть во время пятиминутного привала.

А вот ящерицы не разделяли мнения большинства по поводу погоды (здесь стоит заметить, что ящериц всё-таки было большинство, но нам, людям, свойственно считать только самих себя). Они то и дело выскакивали из-под ног, пробиваясь зигзагом сквозь песок и стебли растений, и чем жарче становилось, тем бодрее они смотрелись.

Между тем приближалось время обеда, о чём нам недвусмысленно напомнила пара питающихся косуль, которые немедленно были подвергнуты рассмотрению Людмилой

Андреевной. Этот взгляд меня пугает: похоже на хищника, высматривающего жертву. Поняв, что дело пахнет жареным, косули поспешили удалиться, и мы продолжили путь.

Косули недвусмысленно напоминают о приближении обеда

Прошло некоторое время, прежде чем мы нашли водоём (не люблю словосочетание «лужица с берегами, густо поросшими подрастающими берёзками»). В ожидании вскипающей воды мы устроились в тени небольшой группы сосен. Личный кус-кус, общественные козинаки и изюм Ани Фадеевой оказались весьма приятной компанией, такой, что к нам даже решила присоединиться местная слегка ободранная, но гордая лиса, которая вскоре после появления была подвергнута нападению со стороны Полины Андреевны и Петровича с применением угроз физической расправы.

Собравшись, мы снова двинулись в путь, наступая на сухие, будто сгоревшие без огня стебли ковыля и других растений.

Через некоторое время наши взгляды снисходительно скользили по выцветшей степи/полупустыне, падая из тенька на возвышенности. Теперь всё выглядело не серым, а каким-то прозрачно-желтым, цвета лимонной цедры, выгоревшей на свету.

Спустились мы в приречные заросли, где в изумрудно-болотной тени мой взгляд несколько раз падал на цветки рябчика, багрово-мясного цвета, склонённые к земле. Здесь же, в холодных водах этой реки, было решено устроить купание. Что ж, в то время как мои спутники купались, я удостоил эту реку лишь возможностью омыть мои горячие

стопы своим ледяным дыханием. Однако и этого хватило для заряда свежести на остаток дня.

Слегка ободранная, но гордая лиса

А по дороге в лагерь мы имели наглость спугнуть какое-то неуклюжее млекопитающее (я понимаю, что человеку довольно странно использовать эту фразу), удравшее от нас, мельтеша пятками. Все попытки Юры и Петровича догнать эту тварь (предположительно, выдру) увенчались неудачей.

А ещё на подходе к лагерю мы познакомились с новой змеёй, на это раз живой. Мне так и не дали поближе её узнать и нормально пообщаться.

Вечер, ужин, затопившие лес сумерки и чтение – всё слилось в памяти в одно событие, приведшее меня в конце концов в спальник. Хотя из книжки я возьму себе новую традицию: прощаться с дневником. До свидания, дневник!

... а запах так и не выветрился ... или это новая порция?...

День третий (третье мая)

Мы снова идём, и под подошвами прижимаются и без того распластавшиеся по земле лапки с цветами сочно-жёлтой окраски. Это утро оказалось не серым, а удивительно свежим, наверное, потому, что затемно по степи пролетел лёгкий дождь, заставив все краски казаться ещё ярче. Немое покорное ожидание солнца сквозит в этой свежести.

Покинув лесные заросли, группа не будничных на вид людей гордо шествует мимо окраины Падка (если он так склоняется). Недолго пользуясь таким удобным изобретением человечества, как дорога, люди сворачивают в поле, бросив насмешливый

взгляд на надпись “Adidas”, намалёванную на одном из заборов. «Знали бы, как они сами выглядят!» – подумал, наверное, хозяин жилища с модным знаком, недобро глядя сквозь щёлку в досках.

Пейзаж был прекрасен: оставив кусочек жёлтого поля с сухими коричневыми свечками прошлогодних заразиц, мы укрылись под тенью леса (урочище Грядина), предварительно выкопав жирный и до того момента счастливый чернокорень. Опушки, покрытые фиолетовыми и светло-лимонными ирисами, запах которых удивлял своим разнообразием, сменялись таинственной тенью деревьев. Таинственно было всё: и звуки птиц, и покачивание веток, и где находится вода, чтобы пить и есть. Однако, посмотрев на карту, мы осознали, что ближайший водоём далеко. Пройдя ещё немного и увидев кабана (вернее, его заднюю часть), немедленно скрывшегося в зарослях, мы остановились и в несколько минут покончили с сухарями, шоколадками и частью чая. Спрятав следы пиршества, мы вновь двинулись вперёд.

Опушка, покрытая разноцветными ирисами

Песчаная дорога постепенно перешла в сухое поле. Наша процессия сильно растянулась, будто змея, разогревшаяся на майском солнце. Перешагивая через чернеющие тут и там стволы – знак прошедшего здесь когда-то пожара – мы повернули к лесу. Здесь в странном рассеянном освещении на небольшой полянке росла сон-трава, плавно склонившая цветки к земле. Людмила Андреевна объяснила: «По одной из версий, она так называется, потому что если её съесть, можно, в общем-то, больше и не проснуться...».

Явно посвежевшие от мысли, что в степи всегда можно найти быструю смерть, мы вышли на дорогу, рядом с которой росла груша в цвету. И да, она отвратительно пахнет рыбой при всей своей сказочной красоте. А по дороге носились взад-вперёд скакуны, то и дело

кого-то ловя своими страшными челюстями. Даже наши юные энтомологи приуныли от их прыти. А между тем вскоре и им самим пришлось демонстрировать чудеса ловкости, перебираясь через речку. Не обошлось, как водится, без частичного падения в воду. Более активные девочки, для того чтобы поторопить более вялых, вспомнили про миног, которые наверняка сидят толпами на дне и только и ждут ослабевшего остановившегося путника.

Река Арчеда

Когда река осталась позади, мы вышли ко вчерашним пескам. Вечером они выглядят дружелюбнее....

Время, пока мы шли к лагерю, пролетело быстро. Как всегда, под тихие стоны «пить!» и бульканье остатков чая все разошлись по палаткам, чтобы оставить вещи.

С темнотой прилетели тучи жирных и глупых жуков, наполнивших лес густым гулом. Они врезались в лицо и грузно падали вниз. К ним присоединились и косули, оцепившие лагерь и гавкавшие, как стая бешеных волков, покусанных разъярёнными пчёлами.

Как ни странно, очень легко засыпается под такой аккомпанемент, особенно после двух-трёх глав «Улисса». Кстати, спокойной ночи, дневник!

День четвёртый (четвёртое мая)

Сборы в дорогу – дело суетливое и вовсе не романтическое. Сегодня мы меняем стоянку. Палатки, лишившись скелета, безвольно обвисли, обнажив свои внутренности. А рюкзаки, напротив, толстеют и приобретают всё более солидный вид. Наконец, они закрывают свои огромные рты, взгромождаются на спины хозяев и, неуклюже покачиваясь, ползут прочь

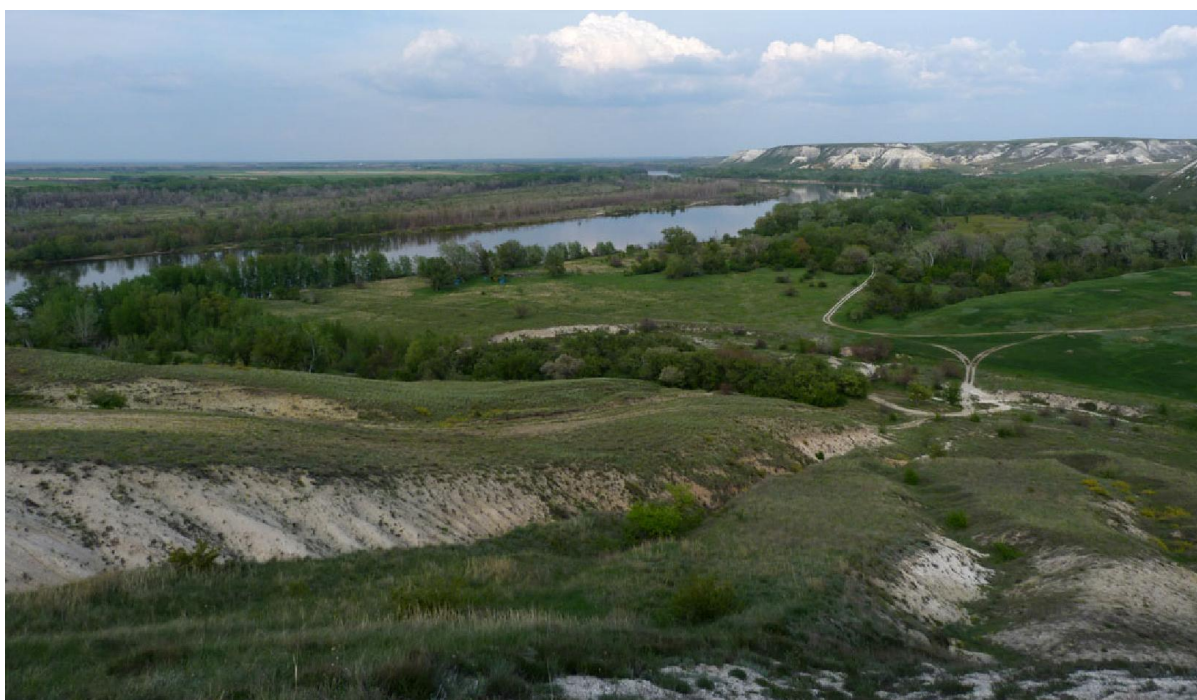
от места, где стоял лагерь. Пройдя насквозь Падок, они снова спрыгивают на землю, подставляя на этот раз собственный бок хозяину.

Через некоторое время подъехали таксисты, профессионально рассуждавшие о том, кто из них лучше знает местность. Время в пути на машине пролетает быстро, когда привыкнешь к танцам рюкзака, и приятно, если водитель предоставит возможность насладиться шедеврами отечественной эстрады.

По дороге ничего интересного не произошло, кроме паромной переправы через Дон (Григорьевская переправа) и закупки продуктов в станице Новогригорьевская.

Нас высадили на солнечном склоне на окраине хутора Хмелевской и оставили наедине с солнцем и едой. Полина Андреевна сияла от гордости, как десятирублёвая монетка на солнце, потому что среди покупок была и бутылка оранжевого напитка, вполне приятного на вкус, «специально для школьников», «я знаю, вы любите всякое такое». Кажется, краситель в напитках такого цвета снижает внимательность у детей.

Путь к новой стоянке оказался недолгим; мы расположились рядом с редкой группой деревьев на берегу Дона близ развалин хутора Караицкий. С другой стороны открывалась далёкая перспектива с меловыми склонами, окутанными солнечной дымкой.

С холма видна наша стоянка на берегу Дона

Вечером мы отправились на небольшую прогулку по окрестностям. У подножия одного холма росла живучка с ярко-жёлтыми цветками; чуть выше всё было покрыто эфедрой и ковылём, среди которых встречался коровяк фиолетового цвета. Между растений сновали туда-сюда ящерицы благородного изумрудного и бирюзового оттенков, а два-три раза мы видели и змей.

На вершине было сделано групповое селфи... Без комментариев...

Суетливый получился день. Зато что-то будет впереди среди этого бесконечного мелового моря с гигантскими бежево-белыми волнами, покрытыми сухой рассыпчатой пеной.

День пятый (пятое мая)

На вершине холма, входящего в цепь, окружающую нашу долину, виднеется какое-то сооружение вроде беседки – тёмное пятнышко на горбу седого верблюда. Туда мы и направляемся, вороша кроссовками кусочки каменного безе. Из щелей в уплотнённой породе поднимаются невзрачные гвоздичные, левкои с чайно-сиреневатыми цветками, тёпло-голубой лён. А над нами описывает плавные дуги какая-то хищная птица.

Что-то будет впереди среди этого бесконечного мелового моря...

Беседка оказалась не слишком утончённым сооружением, видимо, сколоченным на частные средства. Метрах в двадцати от неё склон обрывался вниз, а разогнавшийся взгляд разбивался о вершины далёких деревьев и, оправившись от удара, скользил дальше, к водной ленте Дона.

Солнце, заметив нас, поспешило к зениту, чтобы лучше нас видеть. Насекомые оживились и поднялись с земли, заполнили своим мельканием пространство над травой. С решительным жужжанием нам перелетели дорогу два огромных существа чёрного цвета с синим отливом. Энтомологи, то есть Егор, Полина и Саша, немедленно бросились в погоню. Через некоторое время один из двух монстров был пойман и залит килолитром этилацетата под дикарские танцы и нетерпеливые выкрики. Ботаники, возглавлявшие нашу группу, снисходительно улыбались, наверное, полагая, что выкапывание дохленьких травинок выглядит куда более солидно.

Перед тем как спуститься к Дону, где можно было набрать воды, мы прошли мимо сооружения, которое, видимо, проектировалось как часовня. А пообедав, мы вновь принялись штурмовать белые горбы.

Сначала выжженная солнцем трава перемежалась группками каких-то очень колючих сложноцветных, потом за небольшой рощицей стала попадаться валерьяна, а выше всё было покрыто цветущим луком. Наткнулись даже на несколько тёпло-жёлтых тюльпанов,

невдалеке от которых ползла жирная чёрная майка, переливающаяся в стрелах света красным, зелёным и синеватым.

Один из двух монстров был пойман и залит килолитром этилацетата

Посидев на возвышенности высотой 250 м и вполне насладившись намёком на ветер, мы двинулись в направлении лагеря. Звучит красиво. На деле, мы впервые повернулись лицом туда, где за километрами пути стоит милая синенькая палатка. В свете вечернего солнца мел будто покрывается карамельной корочкой; самому кажется, что идёшь в разбавленном апельсиновом соке.

В свете вечернего солнца мел будто покрывается карамельной корочкой

И снова мимо нас проплыла часовня, впереди – тропинка, сначала идущая по леску, а потом выходящая к Дону. По бокам кустятся заросли цепкого дурнишника, прямо на дороге растёт будра. Иногда в сторону скользит встревоженная змея. Хотя вряд ли её что-то тревожит, скорее, она просто раздражена нашим бестактным поведением.

Надо чего-то не забыть... Ах да, после ужина меня назначили шеф-поваром завтрашнего утра (я знаю, что было сказано «дежурный», но «шеф-повар» как-то приятнее, даже веришь, что всё получится и озарят вдохновения лучики). Кажется, Арину А. после дежурства назвали ангелом адекватности. Да уж, если что-то пойдёт не так, от демона неадекватности не отмоешься

День шестой (шестое мая)

Костёр упорно не разжигается. Только после принесения в жертву пятой спички хилый огонёк поднимается, чтобы с брезгливостью облизать влажные веточки. Наконец, видно, поняв, что ничего более вкусного здесь нет, он приподнимается сначала на колени, а потом и в полный рост. Мои сопалатники проснулись и помогают мне. За ними появился и Петрович. Я спросил его, нужно ли кричать «ПОДЪЁ-О-О-ОМ!», тем самым избавившись от этой обязанности, так как Петрович, сказав «ну да», сам всех разбудил. Кажется, ему по душе отрывать ото сна сладко посапывающих школьников.

После завтрака мы ушли на юг, оставив Чумичку в лагере. Впрочем, недовольной она не казалась... Как выяснилось потом, она затусила с местными рыбаками, пока за ней никто не следил.

Итак, перевалив через меловые холмы, мы шли, наступая на сухие остатки трав. По земле ползали майки, даже с красными ножками. Но они не были замечены Егором, потому что последний занял себя и заодно Лаптя разговором о коммунизме, Ленине, светлом будущем и о чём-то ещё вроде жидо-масонского заговора.

Шагаем по колышущемуся ковыльному озеру

Изредка на нашем пути попадались полутораметровые ростки спаржи, на сломе стеблей которых немедленно появлялась капля прозрачного сока с гороховым привкусом. После

обеда в тени рощи около родника под высотой 235,9 м наш путь лёг на северо-запад через горелую степь. Сквозь неровности чёрной земли прорывались кочки светло-зелёного ковыля с длинными белыми осями.

Мы шли довольно долго, прежде чем разделились, попав на дорогу: Юра с Петровичем пошли за продуктами на хутор Хмелевской, а все остальные направились сквозь сухостойную степь к лагерю.

По пути «домой» ничего интересного не случилось; все устали и вяло перебирали ногами, шагая по колышущемуся ковыльному озеру. Зато прибыв на место, мы пошли купаться на Дон. Там мы встретили рыбаков, один из которых сказал Чумичке «Привет!». В ответ она лишь скромно пискнула «Здрасьте!» и убежала поглубже в реку.

К ужину вернулись едоискатели, без денег, но с молочными продуктами. После еды все жадно набросились на Маевского, потому что зачёт был уже не за горами.

Работать в темноте – нехорошая идея. Так что баю-бай, дневничок.

День седьмой (последний)

Наша цель – точка, находящаяся на высоте примерно 213 метров над уровнем моря близ урочища Задано-Авиловское. Мы почти не тратим времени на расчленение растений; Людмила Андреевна осталась в лагере, а Полина Андреевна уверенно ведёт нас к этой возвышенности (которая, кстати, на 40 метров ниже, чем Тёплый Стан).

Всё началось с грибного леса, где росли гигантские сморчки. Дело в том, что наш путь шёл на восток вдоль берега реки, где всё покрыто зарослями разной проходимости. Сначала нам пришлось перейти по гнилому бревну через сомнительное болотце. Как ни странно, несчастное тело мёртвого дерева выдержало все невзгоды, начиная от лёгкой оптимистичной походки Арины К. и кончая уверенным шагом реалиста в исполнении Петровича.

Дальше, пройдя через приречный кустарник, на ветвях которого в нескольких местах покачивались засушенные весёлым солнцем стебли эхиноцистиса с колючими «огурцами», мы решили учинить новую переправу, на этот раз через глубокую узкую «бухту». Уж два сходных мероприятия за один день пройти удачно не могут: Егор соскользнул в воду и ещё человека три утонули по щиколотку в грязи. Падение пробудило в Егоре воспоминания о его своеобразных снах, в которых он поедал крупных чёрных жуков размером с маслину, о чём он поспешил сообщить нам. Ещё через километра два ходьбы по дороге вдоль степи мы погрузились в настоящие непролазные заросли и проползали там минут десять.

Наконец, перевалив через два холма, по пути поедая листья барбариса, мы очутились на окружённой негустой рощей полянке рядом с пересыхающим водоёмом.

Солнце истекало жаром и плавилось в собственной теплоте. Поэтому на последний рывок вверх к далёкой триангуляционной вышке на горе решились далеко не все. А на вершине дул лёгкий ветер и было приятно. Чумичка и Петрович тут же взобрались на железобетонное сооружение. Внизу Дон лениво изгибался вправо и нёс свои воды к далёким поселениям, уже едва видимым сквозь раскалённый воздух.

Спускаться всегда легче, чем подниматься, особенно, если где-то внизу тебя ждёт чай с аскорбинкой, который наполнит твою добрую верную бутылку. Оставшиеся внизу выглядели куда более уставшими, чем те, кто покорил высоту и с плохо сдерживаемым удовольствием посмотрел вниз.

Возвращались в лагерь сначала по дороге, постоянно пересекаемой мелкими змеями, а потом – по ковыльной степи.

В этот вечер, подходя к лагерю, мы разделились на две группы: быстрая под предводительством Чумички и медленная, курируемая Полиной Андреевной. Что ж, Чумичка быстро освоилась в роли главнокомандующего: недобро улыбнувшись, она произнесла:

– Егор, перестань, пожалуйста, махать палкой. Это *некомфортно*.

Невольно заторопишься к лагерю...

Отъезд

Весь день отъезда пролетел под знаком подготовки к зачёту. Во время любой остановки/привала Маевского рвали на части, пытаясь выявить отличительные признаки какого-нибудь бурачка...

Но я не видел большей радости на лице у человека, чем та, что светилась в глазах Полины Андреевны, когда наш поезд уходил со станции, а она оставалась на перроне.

Нас объединяет дружба!

В поезде Петрович дочитывал «Улисса», а Людмила Андреевна вела беседы с представителем правоохранительных органов, пытавшимся выяснить, что же нас объединяет.

– Дружба! – уверенно ответила она.

Ещё немного подокапывавшись, он ушёл, явно расстроенный тем, что не услышал чего-нибудь вроде «Я – бежавшая из Кащенко бывшая каторжница, которая незаконно собирается вывезти за границу внушительную группу несовершеннолетних для работоторговли и вкуривания травки».

Заключение

Москва. Шум. Я погружаюсь в глубину подземных переходов. Москвичей всегда отличал неживой взгляд. И теперь эта людская масса растекается по вагонам, поблёскивая сотнями пар стеклянных глаз. Я свой среди них, но моя кофта пахнет костром ...